ВЕСТНИК КРАСНОДАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ № 1(18), 2019

Культурология

УДК 008

О.С. Красильникова

Красильникова Оксана Сергеевна, старший преподаватель кафедры истории, философии и культурологии Кемеровского государственного университета (Кемерово, ул. Красная, 6), e-mail:oks-vulf@yandex.ru
Научный руководитель: **Марков Виктор Иванович,** доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор, профессор кафедры культурологии Кемеровского государственного института культуры (Кемерово, ул. Ворошилова, 17), e-mail: vikt-markov@yandex.ru

РУССКИЙ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР Ф.В. РОСТОПЧИН: ЗНАКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (ПО КНИГЕ И. ШНИЦЛЕРА)

Межкультурная коммуникация России и Франции XIX в. была напряженной. Взаимный интерес культур обусловлен политическими, экономическими событиями XIX в., особенно Отечественной войной 1812 г. Французское общество в первой половине XIX в. проявляло внимание к военным деятелям, русским политикам и управленцам, среди которых Федор Васильевич Ростопчин – московский генерал-губернатор 1812–1814 гг. В статье представлен образ Ф.В. Ростопчина, воссозданный французским историком XIX века И. Шницлером, что представляет особый интерес с точки зрения межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: Россия, Франция, межкультурная коммуникация, русские, французы, генерал-губернатор, историк, Отечественная война 1812 г.

O.S. Krasilnikova

Krasilnikova Oksana Sergeevna, senior lecturer of department of history, philosophy and cultural studies of the Kemerovo state university (6, Krasnaya St., Kemerovo), e-mail: oks-vulf@yandex.ru

Research supervisor: **Markov Viktor Ivanovich**, doctor of culturology, candidate of philosophy, professor, professor of department of culturology of the Kemerovo sate institute of culture (17, Voroshilova St., Kemerovo), e-mail: vikt-markov@yandex.ru

RUSSIAN GOVERNOR-GENERAL F.V. ROSTOPCHIN: ICONIC PERSONALITY OF INTERCULTURAL COMMUNICATION (BY THE BOOK OF I. SCHNITZLER)

Intercultural communication between Russia and France of the XIX century was intense. Mutual interest of cultures is caused by political, economic events of XIX century, especially Patriotic war of 1812. French society in the first half of the XIX century attended to military leaders, Russian politicians and executives, among them Fedor Rostopchin, a Moscow Governor-general 1812–1814. The article presents the image of F.V. Rostopchin, recreated French historian of the XIX century I. Schnitzler, which is of particular interest from the point of view of intercultural communication.

Key words: Russia, France, intercultural communication, French, Russian, Governor-general, historian, Patriotic War of 1812 year.

Межкультурная коммуникация – явление сложное и многослойное. Она может быть индивидуальной, коллективной, непосредственной и

опосредованной, совершаться в границах одной культуры, но между представителями разных культур. С этой точки зрения всегда интересен опыт проживания и обобщения иностранцев о той стране, в которой они пребывают. Особенно, если это не краткосрочное путешествие, а желание попытаться понять культуру, в которой находишься. Важными источниками для путешественников являются собственные наблюдения и мемуары. Особым временем для этого жанра в России стал XIX век, мода на мемуары в Европе возникла раньше и распространилась по Европе с XVII–XVIII веков. Европейская традиция более продолжительная по времени, особенностью русских мемуаров XIX века стало то, что они были написаны по-французски. Поэтому приезжему иностранцу, особенно французу, в XIX веке в дворянской среде было легко адаптироваться. Даже несмотря на Отечественную войну 1812 года, гувернерами дворянских детей оставались французы. Упоминания об этом встречаются у А.С. Пушкина, отец Л.Н. Толстого, который был участником войны 1812 года, попал в плен к французам, гувернером для своих детей по традиции нанял француза [3]. Ю.М. Лотман, описывая детство А.С. Пушкина, отмечал, что он «…вынес прекрасное знание французского языка, а в отцовской библиотеке пристрастился к чтению (тоже на французском языке) » [2, с. 15]. Это самая распространенная картина дворянского воспитания XIX века, иногда французские учителя использовали свое знакомство с русской традицией, воспитанием в литературных целях. Французский историк, статистик, путешественник, Иоганн Генрих Шницлер в течение 5 лет с 1823 по 1828 гг. работал в России домашним учителем и собирал материал о стране, ее героях, обывателях и через сорок лет, в 1868 году, вновь посетил Россию. Книга И. Шницлера «Ростопчин и Кутузов. Россия в 1812 году», переведенная на русский язык, была издана в 1912 году по случаю торжеств в ознаменование 100-летия Отечественной войны 1812 года. Книга представляет интересный опыт с точки зрения межкультурной коммуникации. Переводчик А. Ельницкий отмечает, что Шницлер

потрудился в книге отказаться от сложившихся о России предубеждений, гулявших в XIX веке в Европе. Несмотря на вековой разрыв между выходом в свет книги (1912 г.) и сегодняшним днем, стоит отметить устойчивость стереотипов, например, о том, что в России гуляют медведи и пьют чай самоварами под развесистой клюквой. Шницлеру удалось избежать некоторой односторонности, поскольку он использовал разные источники, в том числе русские и французские воспоминания. После войны 1812 года в Европе возрос интерес к событиям, имеющим отношение к русским полководцам, московскому пожару, особенно к московскому градоначальнику Федору Васильевичу Ростопчину. Колоритный образ русского генерал-губернатора Москвы отмечали не только соотечественники, но и иностранцы, в том числе и Шницлер. Возможно, противоречивость, нестандартность поведения привлекли внимание француза, который назвал Ростопчина в своей книге «злой татарин». Василий Федорович Ростопчин, известный франкофоб, не смог противостоять традиции, дома все говорили по-французски, жена была католичка. Во время Отечественной войны 1812 года она содержала салон, гости которого сочувствовали французам. Ее стараниями дети тоже перешли в католичество. Хотя следует отметить, что для Ростопчина это была личная трагедия, он никогда не одобрял переход в католичество своей жены.

После вступления русских войск в Париж, заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. некоторые известные деятели поселились во Франции. К их числу относится вышедший в отставку Ф.В. Ростопчин. Его персона вызывала неподдельный интерес, образ руководителя, патриота, который отдал приказ сжечь Москву (так считали французы), был для европейцев, особенно французов, завораживающим и непонятным. Подтверждение этого мы нашли в предисловии переводчика А. Ельницкого к книге Шницлера: «В Европе в то время имя Ростопчина было буквально у всех на устах. Его портреты расходились там в сотнях тысяч экземплярах… а толпы зевак довольно долго не давали ему покоя…» [1, с. 5]. Шницлер пишет

о Ростопчине, анализируя воспоминания французов и Наполеона. Он «поджигатель, лютый татарин, негодяй» – с одной стороны, но французская публика, несмотря на это, проявляет к нему особое внимание. Французы верили, что поджог Москвы организовал ее градоначальник. Шницлер отмечает благообразную перемену в нравах «свирепого татарина» и «чудовищного поджигателя», которая произошла в салонах Франции «славе героя… он предпочел репутацию блестящего салонного кавалера… любезный и остроумный…» [5, с. 13–14]. Жизнь Федора Васильевича была связана родственными узами с французской культурой. Его дочь Софья Федоровна вышла замуж за графа де Сегюра и прославилась во Франции как детская писательница, ее сочинения «Сонины проказы» были популярны во Франции и России XIX века.

На страницах книги французского историка нрав Ростопчина представлен вспыльчивым, колким, неприятным, чрезвычайно подозрительным, «самый суровый из людей». Но в то же время его злые, «татарские шутки» писатель сравнивает с остротами вольнодумцев Франции XVIII века. Примечателен анекдот, рассказанный при дворе Павла I, Ростопчин был его любимцем. На вопрос «Почему он не князь?» фаворит поведал историю о том, что его татарский предок прибыл в Москву зимой. На возражение императора, какое отношение время года имеет к титулу, был получен ответ: «Каждый татарский вельможа, прибывший в Москву, получал от великого князя либо шубу, либо титул… мой предок прибыл суровой зимой и предпочел получить шубу» [5, с. 45–46].

«Северный варвар», «сын Москвы», необузданный и изменчивый «потомок Чингиз-Хана», таким описывает его Шницлер. Он указывает на неприязнь, которую питал Ростопчин к Франции из-за революционных настроений якобинцев. Хотя сам он был образован на французский манер, в лучших традициях дворянского воспитания. Историк цитирует письмо Ростопчина к Александру I, в котором представлены нелицеприятные характеристики французов, они вредят России, действуют, как «зараза». В

другом месте Шницлер беспристрастно цитирует своего персонажа: «Что за народ этот французы? Они не стоят сантима». Для писателя это не стало глубоким противоречием, хотя он не перестает удивляться на страницах книги, как мог это озвучить человек, блестяще знающий французский язык, человек, писавший на французском языке так, «как будто он родился на берегах Сены». Ростопчина именуют «французоедом», с «жестким, вспыльчивым, мстительным характером», но который очень учтиво отзывался о писателях Франции, например о Дидро. Для француза интеллектуальный лоск очень важен, поэтому этот факт заслуживал уважения.

Историка удивляет европейская известность его персонажа, сочетание противоречий. В нем одновременно уживалась и «французская вежливость», и «французоедство», эксцентричность характера, набожность и скифская грубость. Противоречивый, с необузданным нравом в молодости, с ненавистью к французам – таким увидел его писатель. Надо отдать должное Шницлеру, что он вспоминает и добродетели Ростопчина, описывает его в старости совершенно другим, сентиментальным человеком. Он пытается оценить его натуру управленца, действующего в определенных исторических обстоятельствах, исходя из его представлений о патриотизме, заботе о Родине, «пылкий патриот» – еще одно изображение Ростопчина встречаем на страницах книги. Мы предполагаем, что непредсказуемый нрав московского вельможи вызвал определенные симпатии у французского историка. Разноречивый образ русского генерал-губернатора в работе француза Шницлера – яркий пример межкультурной коммуникации. Такой ракурс видения особо интересен, поскольку воссоздает образ «Чужого» русского во французской культуре, в ее интеллектуальных кругах, демонстрирует, как «Чужой» француз оценивает русского общественного деятеля.

Список используемой литературы:

1. *Ельницкий А.* Предисловие переводчика // Шницлер И. Ростопчин и Кутузов. Россия в 1812 году. СПб., 1912. С. 3–12.

2. *Лотман Ю.М.* Александр Сергеевич Пушкин: биография писателя / Ю. Лотман. СПб., 2016. 288 с.

3. *Полосина А.Н.* Сен-Тома – первый гувернер Л.Н. Толстого: прототип и образ (по неизвестным материалам). URL: http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/kritika-o-tolstom/

4. *Ростопчин Ф.В.* Мысли вслух на Красном крыльце / Сост., предисл., перевод с франц., прим. А.О. Мещеряковой / Отв. ред. О.А. Платонов. М., 2014. 704 с.

5. *Шницлер И.* Ростопчин и Кутузов. Россия в 1812 году. СПб., 1912. 242 с.